

УДК 32.019.51

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ
К ПРИРОДЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИКЕ**

О. В. Ланге

**TO THE QUESTION OF SPECIFICS OF MODERN APPROACHES
TO THE NATURE OF MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN POLITICS**

O. V. Lange

В статье определяется оптимальный подход к исследованию феномена политической манипуляции: объектом исследования является феномен политической манипуляции, предметом – методология его изучения. В работе показано, что понимание манипуляции как мотива политического поведения, дает основание для применения к ее изучению методологии исследования политического поведения: бихевиоралистского, психологического, социологического методов, теории рационального выбора и когнитивного подхода. В статье доказывается, что целостное представление о причинах выбора определенного действия политическим актором дает когнитивный подход, так как мотивами политической активности в нем признаются как факторы внешней информационной среды, так и психологические особенности человека. Когнитивный подход как единое методологическое основание исследования феномена политической манипуляции дает возможность объединения в единой плоскости имеющихся в науке представлений о манипулятивных техниках и технологиях и их классификации.

The paper determines the optimal approach to studying the phenomenon of political manipulation. It shows that in the case where manipulation is understood as motive of political behavior, the following methodologies of studying political behavior can be used: behavioral, psychological, sociological methods, rational choice theory and the cognitive approach. It's been proved that the optimal approach to the study is a cognitive approach, because reasons of political activity in it are factors of information environment and psychological characteristics of a person. Using cognitive approach to study political manipulation one can unite in a single plane all manipulative techniques and technologies available in the science and classify them.

Ключевые слова: манипулятивные технологии, методология, политическое поведение, мотивация, когнитивный анализ.

Keywords: manipulative technologies, methodology, political behavior, motivation, cognitive analysis.

Манипулятивные технологии используются в политической практике на протяжении веков, однако история изучения теоретических основ этого феномена насчитывает всего несколько десятков лет. Теоретическая база вопроса на сегодняшний день достаточно слаба: не сформированы единые подходы к его изучению со стороны различных гуманитарных наук, не выработана объяснительная модель манипулятивного воздействия, не приведена классификация манипуляций.

Цель данной работы – продвинуться в решении этих вопросов: определить оптимальный подход к исследованию феномена манипуляции, который бы позволил объединить и классифицировать имеющиеся техники и формы манипуляции, а также объяснить принципы манипулятивного воздействия.

В современном научном дискурсе предпринимаются попытки представить подходы к изучению. Обычно их целью признается «скрытое влияние на совершение выбора» [44, с. 53], или «управление и контроль, эксплуатация другого, использование в качестве объектов, вещей» [31, с. 50], или «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [30, с. 64].

Принимая тезис Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, которые считали конечной целью любого субъекта влияния коррекцию, изменение поведения объекта этого влияния [7, с. 46] можно заключить, что перечислен-

ные цели информационно-психологического воздействия являются промежуточными. Конечная цель такого воздействия – коррекция поведения объекта влияния. Таким образом, манипуляция является информационно-психологическим воздействием, мотивирующим объект на политическое действие, задуманное манипулятором. Такое понимание феномена все чаще встречается в современных научных статьях [8, с. 77; 26, с. 19]. В этом случае методология исследования данного феномена будет аналогична методологии изучения политического поведения.

Фундамент современных исследований политического поведения был заложен представителями Чикагской школы, в лице Ч. Мэрриама «Новые аспекты политики» [15], Г. Госнелла «Политическая машина. Модель Чикаго» [36] и Г. Лассуэлла «Пропаганда и продвижение» [9, с. 115], «Психопатология и политика» [10] и т. д.

В рамках классической бихевиоралистской схемы манипулятивные технологии рассматриваются как однонаправленное воздействие субъекта на пассивный объект. Политическая среда воздействует на личность через систему организованных общественных институтов и ценностей. Инструментами манипуляции выступают PR, пропаганда и СМИ.

Во многом благодаря теоретико-методологическому фундаменту, заложенному Чикагской школой, в 1950-е гг. появились три основные теоретические модели политического поведения: социально-психо-

логическая, социологическая и модель рационального выбора.

Успешное применение Г. Лассуэлом психологических концепций для объяснения поведения политиков привело к тому, что и другие ученые стали использовать психологические теории мотивации для создания объяснительных моделей политического поведения: Р. Лейн [38], Е. Б. Шестопап [29], А. И. Юрьев [32], Е. В. Егорова-Гантман [6] и т. д. Большинство классификаций потребностей в этих теориях создавалось по разработанной А. Маслоу [14] схеме, но некоторые авторы стремились выделить дополнительно потребность во власти.

Этот подход в основном показывает различия между манипуляторами и манипулируемыми и объясняет выбранную модель поведения исключительно психологическими особенностями личности. Так Э. Шостром считает противоположенными психологические типы манипулятора и актуализатора [31, с. 29]. По мнению К. Хорни, манипулирование объясняется потребностью невротической личности в доминировании, обладании властью [28, с. 137].

Психологический подход при объяснении политического поведения является иной крайностью бихевиорализма, в которой все внимание уделяется внутренним потребностям индивида, а внешние стимулы имеют значение лишь в той мере, в которой повлияли на формирование этих потребностей.

Помимо выявления специфики типов личности объекта и субъекта манипуляции, в рамках психологического подхода описываются особенности индивидуального и массового сознания. Работы Г. Тарда [24], Г. Лебона [11], В. Вундта [4], С. Московиси [16], С. Сигеле [37], В. М. Бехтерева [1] и др. составляют основу теории манипулятивных технологий и активно используются в политической практике.

Представители «социологической модели» считают, что политическое поведение определяется социальными структурами. Работы П. Лазарфельда [38], П. Бурдьё [3] основываются на аксиоматическом допущении, что в обществе есть устойчивые, существующие помимо воли и сознания людей, социальные структуры: группы, общности, статусы, роли. Они объединяют людей, определяют их политическое поведение.

В русле исследования политического манипулирования специфика «социологической модели» заключается в том, что само современное общество признается манипулятивным. В рамках этой модели основным субъектом влияния на индивидуальность человека признаются социальные роли и общественное мнение.

Примером такого подхода является работа Г. Маркузе «Одномерный человек», в которой развивая индустриальная цивилизация называется «царством комфортабельной несвободы» [13, с. 11]. Несвобода достигается за счет того, что индустриальное общество диктует человеку потребности, и «удушает» те из них, которые могли бы привести к освобождению. Само существование в таком обществе является манипулятивным, так как индивиды отождествляют себя с называемым им способом бытия. Агентами распространения манипуляций являются

СМИ, так как именно они доносят информацию о социальных потребностях. Однако основным манипулятивным механизмом здесь является стирание контраста между удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми потребностями, уравнивание классовых различий.

Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» [19] также утверждает, что решения в политической жизни всецело зависят «от характера общества, его склада». Он констатирует манипулирующий характер цивилизации, в которой человек зависит от социального факта, отбирающего его спонтанность и свободу. Современная цивилизация сконструировала «человека – массу», инертного человека, «отторгающегося» от своей ответственности и выбора, передоверяющего свою свободу государству. Автор считает, что противодействие массовой манипуляции может заключаться в противопоставлении такой навязываемой человеку социальности, для этого действие должно формироваться согласно воле субъекта: «Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю, о восстании масс. Ибо единственное, что можно с полным правом и по существу назвать восстанием, это неприятие собственной судьбы, восстание против самого себя» [19, с. 110].

Другим примером «социологического» подхода могут служить работы Э. Ноэль-Нойман. Исследовательница с одной стороны не отрицает, наличие иных (помимо социальных) факторов, способных оказывать влияние на человека: «Боязнь изоляции, – пишет она, – является только одной из причин формирования общественного мнения, ибо в ряде случаев она выступает как следствие, а не как причина» [17, с. 4]. Но с другой стороны она не считает, что эти иные причины влияют на политическое поведение человека: «Осознание свободы, откровенность, индивидуализм... – все эти сознательно принимаемые, осознаваемые как выражение собственной сущности ценности не сочетаются с принимаемыми для самого себя способами поведения» [17, с. 79].

Манипуляция в рамках «социологической модели» предстает как система глобального давления социальной системы на человека. Однако такой подход не предназначен объяснить, почему на разных людей одинаковое воздействие оказывает различный эффект.

Критика «социологической модели» политического поведения высказывается уже со времен А. Лейпхарта. Он отмечает, что сложная структура современного общества затрудняет понимание того, какая именно группа оказала влияние на политическое поведение конкретного индивида [39]. Р. Далтон [5, с. 338], С. Московиси [41, с. 103] так же приходят к выводу об ослаблении влияния социальной дифференциации на выбор избирателя.

Странники этой модели не считали рассматриваемые ими факторы единственными, влияющими на электоральное поведение. Это привело к тому, что А. Кэмпбелл [32] и А. Лансело [36] предложили теоретическую модель, в которой факторы, оказываю-

щие влияние на поведение человека выстроены в причинно-следственной последовательности. Однако входящие в их модели факторы не совсем совпадали. Этот факт говорит о том, что проблема релевантности причин политического поведения, так и не была решена. Еще одним значимым недостатком этих методов можно назвать то, что они отражают только однонаправленный характер связей между компонентами модели, что неправдоподобно упрощает систему.

Сторонники теории рационального выбора (Э. Даунс [33], П. Ордешук [18], О. Уильямсон [24] и др.) вышли за пределы рассмотрения политического объекта как пассивного реципиента. Они добавили к имеющимся моделям способность человека рационально мыслить и принимать решение самостоятельно. Вся эта совокупность факторов, влияющих на политическое поведение, позволила им строить сложные конструкции возможного развития ситуации, прогнозировать результаты действий.

Манипулятивные технологии, рассматриваемые в рамках подобного подхода, противоречат логике, если только они не предполагают использование откровенной лжи. Здесь подчеркнем, что в данной работе манипуляция не приравнивается к обману. Ложь означает состояние противоречащее истине [2, с. 911]. Манипуляция не так однозначна, что хорошо проиллюстрировал Дж. Рудинов: «Кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти, в Пинск» [44, с. 4].

Итак, если бы человек мог мыслить вполне рационально, обладать всей полнотой информации, и не зависеть от своего эмоционального состояния, то манипуляции бы мгновенно распознавались и, соответственно, либо блокировались, либо переводились в другое русло коммуникации. Однако основа критики теории рационального выбора (К. Оффе [20], М. Олсон [42] и др.) как раз и состоит в сомнении относительно способности актора действовать вполне рационально.

Эту проблему исследователи политического поведения пробовали решить с помощью идей об ограниченной рациональности. Так, Г. Саймон указывает на разницу между реальными условиями принятия решений и тем, как воспринимает их человек, находящийся в гуще этих событий. На его решение во многом влияет источник информации, интеллектуальные (умение просчитывать и анализировать) и когнитивные (внимание, обучаемость, восприятие) способности. Таким образом, процесс рационализации во многом зависит от самого актора, который, как правило, не обладает всей полнотой информации, необходимой для чисто рационального, максимизирующего выгоду решения [22, с. 16 – 37].

Итак, социологический, психологический подходы и теория рационального выбора оказались недостаточными как для исследования политического поведения, так и для исследования политического манипулирования. Несмотря на ряд противоречий между теоретиками этих подходов, значение информа-

ции в принятии политических решений никогда не ставилось под сомнение. Таким образом, новый подход должен был учесть особенности информационного влияния на человека политической средой и объяснить механизмы индивидуального восприятия политической информации.

Этим требованиям отвечает появившийся в начале 1990-х гг. когнитивный подход. В его рамках выстроена теория мотивированного политического рассуждения М. Лоджа и Ч. Тейбера [40], а так же работы Дж. Заллера [45], Ж. Жерстле [34] и др.

Принципы когнитивного подхода значимые для рассмотрения манипулирования как мотивации к определенной политической активности можно выразить в нескольких постулатах:

- во-первых, он рассматривает психику человека как открытую систему, функционирующую и изменяющуюся под воздействием внешней информации;
- во-вторых, политическая реальность существует благодаря постоянным процессам коммуникации и является по сути символической;
- в-третьих, индивид воспринимает и интерпретирует символы политической реальности соответственно особенностям своих ментальных процессов и своему опыту [21, с. 219 – 246].

К когнитивному подходу можно отнести понимание природы манипуляции Э. Фромма изложенное в работе «Бегство от свободы». В ней манипулятивным называется уклад современного демократического общества. Ответственность за это автор возлагает с одной стороны на экономические, идеологические и, главным образом, на социальные факторы, с другой – на психологические особенности человека. «Мы не должны, – пишет он, – впадать в столь же серьезную ошибку социологического релятивизма, который рассматривает человека как простую матрионетку, управляемую нитями социальных условий. Неотъемлемое право человека на свободу и счастье основано на внутренне присущих ему свойствах: на его стремлении к жизни, развитию и реализации способностей, возникших у него в процессе исторической эволюции» [26, с. 117]. Манипулятивный механизм функционирует благодаря псевдомыслям и псевдочувствам воспитываемым в человеке обществом. И в тоже время, это навязывание шаблонов мышления становится возможным благодаря психологическим страхам человека: «Значительная часть наших страхов фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни» [26, с. 87].

В общем виде теоретическая модель манипуляции с позиции когнитивного подхода выглядит так: искомое политическое действие объекта является реакцией на результат интерпретации информации, полученной из внешней среды. Полученная информация оказывает воздействие на человека, однако, и он, являясь частью системы, постепенно меняет ее. «Мы видим, – писал Э. Фромм, – что экономические, психологические и идеологические факторы взаимодействуют следующим образом: человек реагирует

на изменения внешней обстановки тем, что меняется сам, а эти психологические факторы в свою очередь способствуют дальнейшему развитию экономического и социального процесса» [26, с. 120]. У. Липпман также отмечает: «Между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде» [12, с. 18].

Таким образом, когнитивный подход ориентирует исследователя политического манипулирования на комплексное изучение внешней информационной среды, в которой находится политический актор, а также его представлений об этой среде.

Под внешней информационной средой здесь понимается все окружающее индивида многообразие социально-политической информации: политические институты, отношения и связи, политические статусы и роли, общепринятые знания о политике, политические мифы и оценки, идеологии, суждения и ценности.

Субъективные представления людей о политике неизбежно отражают процессы, происходящие во внешней информационной среде, но характер этого отражения существенно отличается у разных индивидов. В основе этого творчества лежат врожденные способности запоминать информацию, приобретенные навыки понимать и усваивать социальную информацию, интерес к политике, опыт спонтанного или осознанного участия в политической деятельности.

У. Липпман в труде «Общественное мнение» выражает эту мысль следующим образом: «...мы не можем как следует понять действия других людей, пока не узнаем, что, по их мнению, они знают... мы должны оценить не только известную им информацию, но и сознание, через которое они ее отфильтровали» [12, с. 42]. По У. Липпману, общественное мнение подвержено разным манипулятивным воздействиям, которые стали возможными благодаря психологическим особенностям индивидов по усвоению, восприятию и интерпретации получаемой информации, т. е. манипулятивным характером обладает сознание самого индивида. «Мы убедились, — писал он, — что доступ к информации затруднен и неопределен, что понимание контролируется стереотипами, что факты, имеющиеся в нашем распоряжении, фильтруются иллюзиями самозащиты, престижа, нравственности, пространства и способами выборочного исследования» [12, с. 67].

Таким образом, когнитивный подход предполагает, что результат манипуляции обеспечен рядом факторов. Так, для обеспечения внимания реципиен-

тов и запуска ментальных процессов по пути автоматической или углубленной обработки информации манипулятором задействуются знания об общих особенностях сознания человека. Уточним, что в зависимости от того, по какому каналу (автоматической или углубленной обработки) запущены ментальные процессы, зависит то, совершит ли объект рациональное или нерациональное действие. Для обеспечения «узнавания» кода и выбора оптимального канала передачи сообщения манипулятором учитываются особенности знаний и представлений о политике конкретных объектов.

Описанные выше принципы обеспечения эффективного результата манипуляции содержат необходимые точки отчета для объединения в единой плоскости имеющихся представлений о манипулятивных воздействиях, техниках и технологиях.

Такая классификация будет дифференцировать виды манипуляции по результату воздействия (рациональное или нерациональное действие), уровню сознания, на которое это воздействие ориентировано (индивидуальное, групповое, массовое), по интенсивности воздействия (учет или изменение установок) и этапа передачи информации (кодировка, способ передачи). Каждый вид манипуляции реализуется с помощью определенных техник (искажение, утаивание информации, расстановка нужных акцентов, повторение, трансляция легкой и востребованной информации, «подпороговая передача данных» и т. п.). Политические манипулятивные технологии сочетают в себе комбинации из нескольких видов манипулятивного воздействия, и соответственно реализуются посредством нескольких техник. Они воплощаются в различных формах социальных коммуникаций: маркетинг, реклама, PR, идеология, пропаганда.

Итак, понимание феномена манипуляции как мотива к политическому действию дает основания для исследования его с помощью подходов, применяемых к изучению политического поведения. Мотивами политической активности в рамках когнитивного подхода признаются как факторы внешней информационной среды, так и психологические (когнитивные и интеллектуальные) особенности человека, что дает более целостное представление о причинах выбора политическим актором определенного способа действия.

Когнитивный подход дает основания для объединения, классификации и объяснения всех известных манипулятивных техник. Кроме того, он позволяет не только объяснить особенности ориентации людей в политическом информационном пространстве, но и сформулировать принципы оптимизации информационного политического влияния.

Литература

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Питер, 2001. 256 с.
2. Большой энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона Брокгауза и Ефрона в 86 тт. (82 тт. и 4 доп. тт.). Т. 17А (34): Ледье – Лопарев. М.: Терра, 1896.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
4. Вундт, В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010. 144 с.

5. Далтон Р. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
6. Егорова-Гантман Е. В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Никколо-М, 2003. 336 с.
7. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние / под ред. А. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
8. Козлов И. В. Особенности манипуляции массовым сознанием на современном этапе общественного развития // Вестник Гуманитарного факультета ИГХТУ. 2007. № 2.
9. Лассуэл Г. Пропаганда и продвижение // Психология масс. Самара, 1998.
10. Лассуэл Г. Психопатология и политика: монография / пер с англ. Т. Н. Самсоновой, Н. В. Коротковой. – М.: РАГС, 2005. 352 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 320 с.
12. Липпман У. Общественное мнение / пер. Т. В. Барчуновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 336 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
15. Мерриам Ч. Новые аспекты политики / пер. Т. Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в.. М.: Мысль, 1997. С. 175 – 184.
16. Московиси С. Век толп. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 480 с.
17. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. 352 с.
18. Орदेशук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 24 – 36.
19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб.; пер с исп. М.: АСТ, 2002.
20. Оффе К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С.667.
21. Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2004. 369 с.
22. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып.3.
23. Сигеле С. Преступная толпа: опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М.: Инс-т псих. РАН, КСП+, 1999. 320 с.
24. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999. 416 с.
25. Уильямсон О. Современные поведенческие предпосылки экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 39 – 49.
26. Федотова М. Г. Манипулятивный потенциал коммуникативных технологий в транзитивном обществе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7.
27. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 268 с.
28. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Академический проект, 2006. 208 с.
29. Шестопад Е. Б. Политическая психология. М.: Инфра-М, 2002. 448 с.
30. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 325 с.
31. Шостром Э. Человек-манипулятор: внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. 2-е изд. М.: Психотерапия, 2008. 192 с.
32. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во: СПбГУ, 1992. 232 с.
33. Campbell A. A. A la recherche d'un modèle en psychologie électorale comparative // Revue française de sociologie. 1966. Vol. 7. P. 579 – 597.
34. Downs A. An economic theory of democracy. N.Y.: Harper, 1957. 310 p.
35. Gerstlé J. Effets des médias et transformations de l'espace public // La Communication du politique. Sous la dir. de Dragan J. Paris: L'Harmattan, 1999. 406 p.
36. Gosnell H. F. Machine Politics. Chicago Model. Chicago: University of Chicago Press, 1937. 279 p.
37. Lancelot A. Orientation du comportement politique // Traité de science politique / Sous la direction de M.Grawitz et J. Lega. V. 3. L'action politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1985. 378 p.
38. Lane R. Political Life, 2-ed. / R. Lane. N. Y.: the Free Press, 1965. 102 p.
39. Lazarsfeld P. F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. N. Y.: Columbia University Press, 1944. –178 p.
40. Lijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice. Belgium, Canada, Switzerland and South Africa // Electoral Participation comparative analysis; ed. by Rose R. Beverly Hills; L.: Sage publ., 1988. 358 p.
41. Lodge M., Taber Ch. Three steps toward a theory of motivated political reasoning // Elements of Reason. Cognition, Choice and the Bounds of Rationality / ed. by Lupia A., Popkin S. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
42. Moscovici S. Passion révolutionnaire et passion éthique // Wieworika M. Paison et conviction: l'engagement. Paris, Les Editions Textuel, 1998. P. 87 – 109.
43. Olson M. The Logic of collective action. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 208 p.

44. Proto L. Who's pulling your strings? How to stop being manipulated by your own personalities. – Wellingboroug, Thorsons, 1989. 144 p.
45. Rudinow J. Manipulation // Ethics, 1978. Vol. 88. № 4. P. 338 – 347.
46. Zaller J. The Nature and origins of mass opinion. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. 265 p.

Информация об авторе:

Ланге Ольга Владимировна – аспирантка факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, lange_ov@mail.ru.

Olga V. Lange – post-graduate student at the Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2014 г.